

Тина Арсеньева

Иберийский бессмертник*

8. Сумерки

До ядра земного прожжена,
Горбится Ла Манча, ставя крепи,
Но ее ухоженные степи
Дики в терпкой горечи вина.

Цифровому веку лишний груз,
Вывалюсь в него шаром из лузы;
Улочек распутывая узы,
Как избыть вина печальный вкус?!

Все мои стяжания – зеро,
Слава, вся что ни на есть, худая,
Там, где в дол неспешно ниспадая,
Шелестит голубкино перо.

И душа плывет на тихий плес,
Прямоком на острие денницы,
Всей тоскою перелетной птицы
Катедральный пролюбя утес.

* Продолжение поэтического цикла, начало которого опубликовано в кн. 46.

9. Воспоминание о Санта Исавель Венгерской

Полкило винограда «изабелла» –
Полон рот сладко-приторной кручины, –
То, обшарив теплой осени пучины,
Черны перлы солнце мечет на лоток;
То «Титаник» вспомнил руки корабела
В полумиле от нечаянной кончины;
То мечты, сколь бессильны, столь бесчинны,
На остуду расплескали кипяток.

На роду предуказано граниту
Отражать наступление болота,
Отродясь подольщается болото,
Насылая бродячие огни...
Запрокинься к безмятежному зениту,
Ибо нет ни зацепки, ни оплота,
Опечалься во всю синичью ноту,
Улыбайся – и тони-тони-тони.

Может, выйдешь к придонному теченью –
Стань студеной пронырливою рыбой
И скользи вдоль каменного русла,
Растопыря веер плавника:
Там, где, чужды насущну попеченью,
Над узорчатой каменной глыбой
Кличут в прорезях каменного бруса
Две кампаны, давая кувырка.

Там, где мост монастырской галерейки
Зависает над уличной тесниной,
Что ее ошебетали канарейки,
Аж безмолвия отвес гудит струной, –
Там в прищуре межстенного пробела
Стертый лик дождями моет Изабелла,
Королева, посадскою рваниной
Освященная в горечи земной.

Стертый камень велит: захлопнуть веер,
Чтоб в пеньковой обвязке покаянья
Вслух отсчитывать крестные стоянья
В поминанье государыни святой;
Сберегать сухой колодец, ждать и верить,
Наряжая заплаканную куклу,
Чтоб на вырост подгонял небесный купол
Местный ангел, приглашенный на постой.

Да у нас-то в размах иные степи,
Сизы гроздя, как грозы, небо ярко, –
Больно тонок, толеданская мадьярка,
Колокольный твой напев для скифских глин.
Свист иной и хлыст не тот, другие цепи,
Правит Мокошь, чумаза и дебела, –
Полон-солон наш колодезь, Изабелла,
От Коимбры и по весь Зеленый Клин.

Исавель, венценосное смиренье
Величаво и просто, словно башня,
Стережущая в проулке день вчерашний,
Не рассыпался бы в прах, не съела цвель;
Пепелищем ли станет озаренье,
Захлестнут ли родимые просторы
Туже петельки вервия простого, –
Вспомяни нас у Престола, Исавель.

10. Ее замок в Пуболь

Спросили бы – причла Антоньо ко святым,
Тиарой в бубенцах венчала б Сальвадора.
Узнай, потомок: век в расправах был крутым,
Рождал и нес в алтарь детей в предмет раздора.

Поди не из тельцов – из человеческих шкур
Он вычинил свои культурные страницы!

Но здесь сельцо отцов, и раньше здешних кур
Жилища заградят глубокие глазницы.

В сложении оград упорство юрских плит,
И камень не хранит ожогового следа,
Как будто из глубин подбровных не сверлит
Лесистый щит холмов чернобыльская Леда.

Уже земной оси не быть ее перстом:
Бок о бок с глубиной, вакантной беспардонно,
Придавлена плитой, зачеркнута крестом
Пуэбло Портльигат казанская мадонна.

Последнейшей из муз, подательницы благ
Померк сметливый взор – луны стальная спица.
Над вечным сном простер воскрылья кадиллак,
Блестящая, словно въявь плененная жар-птица.

А музы паладин, чем ложе без игры
Делить, запечатлел кумир среди странных чучел
И с важностью жреца, с весельем детворы
Подмости на себя надгробьем нахлобучил.

Он был, в конце концов, жестокое дитя.
Житейского она не отрешалась блага,
Пожизненной игры придумщиком вертя,
Случайно отвертаясь от пули и ГУЛАГа!..

Хуановым Крестом вселенскую дыру
Потщась заколотить, они всё в ту же реку
Сошли, допрежь сумев нелепую игру
С усмешкой навязать кошунственному веку.

Да кто она была, богиня здешних мест?
И что поведал он в миру, ей преклоненном?..
Они – двадцатый век: с креста профанный жест –
Вот так ответь, грустя в саду уединенном.

11. Саграда Фамилия

Вскинешь глаза – и уверуешь в царство прощенных.
И да отпустит Господь в золотом птицелове
Неутолимую ревность веков просвещенных
Не о пророческом даре – о собственном слове.

Вот: одолаясь величием у стада и сева,
Всеми плодами, всех вен трудовыми узлами –
Ввысь, где в живительной кроне предвечного древа
Белые голуби весело плещут крылами.

Всем простодушьем щедрот, всюю реберной клетью
Трудно вмещает сей храм Твое знаменье, Отче:
Каменный свод, не досказанный впредь на столетья,
Нам отписал в смертный час не опознанный зодчий.

Что тут рассудит эпоха всеобщего сыска?
Что укрывала, краснея, намокшая марля?..
Птичий ли посвист Господня жонглера Франсиско
Звал в поднебесье, печалуясь флейтою Арля?

Храмовы своды, смиреннопоклонен и тонок,
Ратям небесным в подножье подсолнечник стелет, –
Может, затем, чтоб клонился надменный потомок
Грамоте трав разуметь у пчелы в подмастерьях?

Быть яко дети – велит или жалует право,
Впредь предызбрав, мальчуган в корневище у древа,
Чтоб под ребячьей ладонью кремень Коста-Брава
Всю оказал плодоносность планетного черва?..

Чтобы чертог, всюю костной основой ощерен,
Небу голодному пряник неся, как лобзанье,
Был ненасытной родоприимной пещерой,
Детским райком и стигматом людского дерзанья.

12. Улица Горького Колодца

Встань на галечном уклоне, где седая
Залежь патины твердеет в соль земли, –
Встань на улице, глазами припадая
В изумленьи к смотровой ее щели:

Не речными огибаемый струями –
Русло времени согнув и отклоня,
Город к небу устремился остриями,
Чтоб Создатель не видал седьмого дня.

Преломя в луче витражного кристалла
Все, что знаешь, погляди: у всех дверей
Алебастровые прорези портала
Грезят сумраком коралловых морей!

И расслышишь, как вдогон бряцанью конниц
Отходную медный колокол играл,
Где сейчас меж зарешеченных оконниц
Ты идешь, как меж опущенных забрал;

Где над кладезем от слез проржавел ворот,
Ибо ждали – не дождались тут вестей,
Только знали: чуть беда – упрямый город
Туже стянет опояску крепостей.

Вольность, гордость да кряжистая порода
Горожан, порука хлеба и клинка,
Да неспешная, не знающая брода,
Путь в камнях проточившая река.

Глянь: истории петлистая кривая
В переулке залегла кремнистым дном,
А над ней, эпохи напрочь отбивая,
Ходит колокол в проеме ходуном.

13. Долина Павших

Легла гряда – рубец раздора:
Стоит, как в ступе тяжкий пест,
Над корабельным плеском бора
На круче утвержденный крест.

Стоит – превыше разуменья
Пометой на полях веков:
Про двести тыщ кубов камня
И сорок тысяч костяков.

Отлихословил ворон хрипло,
Травую проросла броня,
И плоть скалы проела крипта
До преисподнего огня.

Но там, где всех рассудят строго,
Занятно ль Ветхому Днями,
Кто за Испанию и Бога,
Кто за свободу лег костями?

В миг первородного зачатья
Не вышний ли из всех судов
Братоубийственной печатью
Скрепил проекты городов?

И сей, чья летопись от Рима,
Сливая клевет, мык и рык,
Клубя огонь, дохнул: «Аррива!»* –
Ощеря кафедральный клык.

И одеянье причащенья
Снаряд расцветчивал пестро,
Когда в охвостье ангел мщенья
Втыкал железное перо.

* «¡Arriba, España!» – девиз генерала Франко.

И кто был песне зачинатель
В миг, когда рухнул, словно куль,
Луны и смерти заклинатель,
Не имущ слова против пуль?..

Когда в отару входят бесы,
О, как несправедно точны
Счета, и город стоит мессы,
А месса – пули у стены!

И помнит всякое селенье,
Блюда заплаты крепостей,
Про неспешливое тленье
В гранит упрятанных костей...

Промыла черепа скелетам
Река, и кровь ушла в пески.
Поэта более – Толетум,
Стоящий аду вопреки.

Искус пройдут слова и храмы,
Слеза и всякая казна.
...Как величава тишина
В лесах осенней Гвадаррамы!

